

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2026), 226–239
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2026), 226–239
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-1-91-226–239

АКАДЕМИК С.А. ЖЕБЕЛЁВ В БЛОКАДНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ УЧЕНЫХ

И.В. Тункина

*Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: tunkina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5793-3977

Почти 900-дневная блокада Ленинграда со всей очевидностью показала, что важнейшим фактором развития науки и сохранения культурного наследия страны является личность ученого, человеческий потенциал науки. Классик отечественного антиковедения, академик Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) погиб в первую блокадную зиму от дистрофии. Воспоминания о последних месяцах жизни С.А. Жебелёва сохранились в личных материалах ученых, которым удалось выжить в годы блокады и оставить свидетельства о пережитом.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, АН СССР, научная работа, С.А. Жебелёв, блокадный быт, воспоминания, документы

Данные об авторе. Ирина Владимировна Тункина – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор СПбФ АРАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 25-18-00293 «Ленинградские ученые в годы Блокады» (<https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.104.main/10436381>).

С началом Великой Отечественной войны академик АН СССР (1927), заслуженный деятель науки РСФСР (1940) Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) занимал должности в нескольких академических учреждениях – с 1937 г. он являлся заведующим сектором древнего Причерноморья Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра (ИИМК), заведующим сектором истории Древнего мира Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ; 1938–1941), сотрудником кабинета классических языков Института языка и мышления (ИЯМ; 1931–1941). Параллельно по совместительству ученый преподавал в ЛГУ как профессор кафедры истории античности исторического факультета (1934–1941) и кафедры классических языков и литератур филологического факультета. К началу 1940-х годов С.А. Жебелёв, чуждый академических интриг, заслуженно считался классиком и признанным главой советского антиковедения: он был автором ряда глав и главным редактором трех томов о древнем мире первой академической «Всемирной истории», после смерти академика В.В. Латышева с 1921 г. продолжил подготовку нового издания «*Corpus inscriptionum regni Vesporiani*», интенсивно готовил научную смену — руководил аспирантами, докторантами и др. Именно он в первые послереволюционные десятилетия стал связующим звеном между дореволюционной и советской наукой об античности¹.

В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

«Я – петербуржец по рождению, воспитанию, образованию, всей своей деятельности» – писал С.А. Жебелёв в «Автонекрологе»². Начало войны ученый встретил в родном городе, из которого вплоть до своей кончины категорически отказывался уезжать, т. к. понимал, что без своей научной библиотеки он работать не сможет. Непредвиденно быстрое продвижение фашистских войск к Ленинграду в первые месяцы войны поставило под угрозу значительную и старейшую часть научного потенциала страны, началась подготовка учреждений к эвакуации. 7 августа 1941 г. Президиум АН СССР принял решение об оставлении на местах учреждений АН СССР в Москве и Ленинграде для организации оборонных работ.

Первые месяцы войны показали организационную неготовность руководства АН СССР к жестким нормам военного времени и полную неразбериху при подготовке к эвакуации. Блокадные дневники директора Архива АН СССР Г.А. Князева³, одного из основных источников «Блокадной книги» Д.А. Гранина и А.М. Адамовича, свидетельствуют о непонимании и пренебрежении властей к старейшим академическим институтам, их ценнейшим собраниям и научным кадрам. 9–11 июня Г.А. Князев записал: «Очень путаные сведения получаем из разных источников. То все едем, то не все едем. То складываемся целиком, то частично распаковываемся. Ничего толком не знаем»⁴. 11 июля 1941 г. С.А. Жебелёв подал начальнику Административно-хозяйственного управления ленинградских учреждений М.Е. Федосееву заявление об отказе от эвакуации, а 12 июля из Москвы пришла депеша о ее отмене⁵.

¹ Фролов 2006, 307; Карпюк, Кулишова 2018, 96–98, 103; Тункина 2024, 324–327.

² Тункина, Фролов 1993б, 190.

³ Князев Георгий Алексеевич (1887–1969), историк-архивист, кандидат (1936; без защиты диссертации), доктор исторических наук *honoris causa* (1960); директор Архива АН СССР (1929–1963) в Ленинграде. О нем см.: Тункина 2008.

⁴ Князев 2009, 65.

⁵ Кольцов 2000, 368.

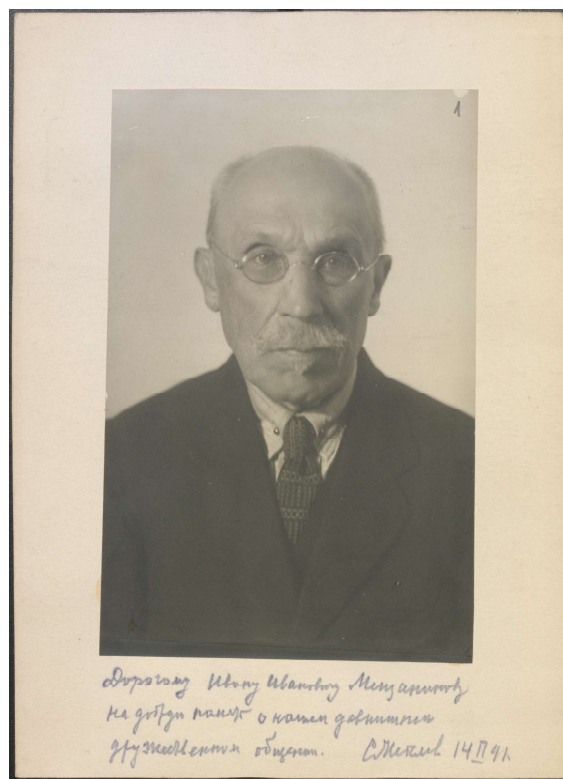

Рис. 1. С.А. Жебелёв. Фотопортрет с дарственной надписью «Дорогому Ивану Ивановичу Мещанинову на добрую память о нашем давнишнем дружественном общении. С. Жебелёв. 14.II.41». СПбФ АРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 682. Л. 1

Только через два месяца после начала войны, 25 августа свое первое заседание провела «Тройка» – Ленинградская группа членов Президиума АН СССР во главе с академиками-секретарями И.И. Мещаниновым⁶ (Отделение литературы и языка), Л.А. Орбели (Отделение биологических наук), П.И. Степановым (Отделение геолого-географических наук)⁷. Этот орган академического самоуправления, 21 октября 1941 г. преобразованный в Комиссию Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений, просуществовал 7,5 месяцев до апреля 1942 г., причем ее состав постоянно менялся из-за эвакуации и смерти академиков. 4 сентября 1941 г. группа обратилась к главкому северо-западного направления маршалу К.Е. Ворошилову с просьбой эвакуировать академические учреждения «в целях сохранения значительных материальных ценностей и научных кадров высокой квалификации»⁸. Но было слишком поздно – 8 сентября 1941 г. кольцо блокады сомкнулось.

Жесткая централизация академической власти, с 1934 г. сосредоточенной в Москве, тотальный контроль со стороны партии и государства всех областей жиз-

⁶ Мещанинов Иван Иванович (1883–1967), языковед, археолог, академик АН СССР (1932).

⁷ Кольцов 1997, 92; Баженова 2013.

⁸ Баженова 2013, 536.

ни и деятельности АН СССР в первые месяцы войны роковым образом отразился на последующей печальной судьбе ленинградской науки. Пресечение любых попыток самостоятельных административных решений, не согласованных с Совнаркомом СССР, Президиумом АН СССР и Горкомом ВКП(б) в Смольном, стали причиной паралича руководителей ленинградских учреждений в то время, когда еще была возможна эвакуация. Именно это привело к катастрофическим потерям научных кадров в блокадном Ленинграде⁹. Сотрудники ленинградских учреждений АН СССР с богатейшими научными коллекциями и архивными собраниями, в том числе тех, где трудился С.А. Жебелёв, оказались в одиночестве, борясь не только за спасение вверенных им научных и культурных ценностей, но и за собственную жизнь¹⁰.

18 июля в Москве и Ленинграде с пригородами было введено нормирование продуктов и введены продуктовые карточки на хлеб и сахар, вскоре карточная система была введена во всех городах СССР (отменена в 1947 г.); 1 сентября закрылись коммерческие магазины, где продукты продавались по завышенным ценам, в октябре 1941 г. нормирование в Ленинграде распространилось на мясо, рыбу, крупы и макароны.

К середине августа фашисты вышли на ближние подступы к городу. Большинство жителей Ленинграда, как и руководство институтов, недооценивали нависшую над городом опасность и не имело информации о стремительном приближении линии фронта к городу. 13 августа 1941 г. Г.А. Князев записал: «Видел С.А. Жебелёва... Он бодр и спокоен. Никуда не едет из Ленинграда»¹¹. С началом блокады Ленинграда 8 сентября 1941 г. массовая эвакуация стала уже невозможной: город подвергался непрерывным артобстрелам и бомбежкам. Большая часть академических учреждений осталась в городе-фронте, по усмотрению властей вывозились лишь отдельные группы крупных ученых, в основном на самолетах. В Ленинграде оставалось около 2000 сотрудников Академии наук (не считая обслуживающий персонал), в том числе 12 академиков и 15 членов-корреспондентов¹². 19 сентября Г.А. Князев отметил: «Академики вчера вечером были вызваны в Смольный и им было предложено вылететь из Ленинграда на самолете..., разрешалось взять с собой только жену и малолетних детей. Ни детей свыше 16 лет, ни родственников брать не разрешалось»¹³. По приказу властей С.А. Жебелёв и Н.С. Державин¹⁴ 19 сентября 1941 г. выехали на машине на аэродром в Старую Деревню, но из-за бомбежки вернулись обратно, после чего 74-летний С.А. Жебелёв категорически отказался покидать город. Об этом событии он оставил воспоминания «Моя эвакуация», датированные 28 октября 1941 г.¹⁵

20 сентября 1941 г. Г.А. Князев записал: «Академики были вызваны в Смольный 18-го в 11 часов вечера и к восьми часам им было приказано прибыть на аэро-

⁹ Баженова 2013, 535; Тункина 2025.

¹⁰ Тункина 2025.

¹¹ Князев 2009, 122.

¹² Кольцов 1997, 99.

¹³ Князев 2009, 180.

¹⁴ Державин Николай Севастьянович (1877–1953), филолог-славист, академик АН СССР (1931).

¹⁵ Кольцов 2000.

дром... Записываю то, что слышал от акад. И.Ю. Крачковского¹⁶; ни он, ни Алексеев¹⁷ предложения лететь не получали. Но из академиков... 19-го должны были лететь академики С.А. Жебелёв, Н.С. Державин и Иосиф Орбели¹⁸... Как и было предписано, Жебелёв и Державин явились в назначенное время на аэродром. И как раз в это время началась ожесточенная бомбежка Ленинграда, и в особенности аэродрома. Шофер выскочил из машины и скрылся. Академики остались в автомобиле с закрытыми дверцами под обстрелом вражеских самолетов. Сразу они не могли открыть дверцы и некоторое время оставались в совершенно беззащитном состоянии на дороге под бомбами... Наконец они выбрались из автомобиля, им кричали: «В канаву, в канаву ложитесь». И Державин, и Жебелёв... залегли в канаву, где и пролежали до окончания налета. Состояние духа Жебелёва, не хотевшего ехать и подчинившегося приказу, было очень тяжелое. По словам Крачковского, С.А. Жебелёв, по возвращении домой... написал рапорт приблизительно в следующих словах: «Приказание правительства мною выполнено. Я точно в указанное время прибыл на аэродром, но вылететь не мог по независящим от меня обстоятельствам». [...] Я видел его в день его неудачного вылета, часов около 4-х около Главного здания. Он не шел, а полубежал нервной походкой, с осунувшимся, еще более некрасивым лицом. Он так торопился, что, ответивши на поклон, не остановился и не заговорил»¹⁹.

М.И. Максимова²⁰ вспоминала, что после неудачной попытки эвакуации С.А. Жебелёв установил для себя строгий график, применительно к военному времени: «Каждый день он регулярно посещал академические институты и заботился об их сотрудниках, больных и здоровых. А по ночам, как рядовой ленинградец, он дежурил на крыше своего дома... Между тем его здоровье тогда уже было подточено тяжелой болезнью, и питался он только сухарями, изготовленными из выдававшегося по пайку суррогата хлеба (академического пайка тогда еще не существовало). Долго так продолжаться не могло»²¹. 29 сентября Г.А. Князев записал: «Каждый день кто-либо улетает из наших ученых. [...] Имеется какой-то список на 150 человек со строго определенными сроками... Струве два дня дожидался на аэродроме возможности вылететь... Что это за список и по какому принципу составлен, никто толком не знает... С.А. Жебелёва видел сегодня еще в Ленинграде, около университета. Значит, уперся старик!»; 21 октября: «В Ленинграде скоро не останется... ни одного члена Академии..., улетел... сегодня утром неожиданно для всех И.И. Мещанинов... И.Ю. Крачковский... отказался уезжать, также и С.А. Жебелёв...»²². Чтобы не уезжать, Сергей Александрович заручился

¹⁶ Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951), востоковед-арабист, академик (1921), по просьбе С.А. Жебелёва с 4 ноября 1941 г. вошел в состав Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР, после смерти С.А. Жебелёва возглавлял комиссию с 29 декабря 1941 г. до 15 апреля 1942 г. Отказывавшегося эвакуироваться академика 25 июля 1942 г. вывезли из Ленинграда тяжело больным и истощенным.

¹⁷ Алексеев Василий Михайлович (1881–1951), филолог-китаист, академик АН СССР (1929).

¹⁸ Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961), востоковед, академик АН СССР (1935), директор ГЭ (1934–1951).

¹⁹ Князев 2009, 182–183, 371.

²⁰ Максимова Мария Ивановна (1885–1973), антиковед, искусствовед, магистр теории и истории искусств (1918), доктор исторических наук (1945), научный сотрудник АН ГрузССР.

²¹ Максимова 1969, 90.

²² Князев 2009, 201, 246.

справкой знакомого врача Ю.А. Поворинского от 24 сентября 1941 г., что после пережитого стресса любое путешествие может оказать пагубное влияние на его нервно-психическое состояние. Эту справку академик затем предъявлял всем порученцам властей, приходившим с предложениями об эвакуации. Но от последствий бомбежки на аэродроме С.А. Жебелёв не отошел и месяц спустя: «Нервы мои, и ранее расшатанные и окружающей нас военной обстановкой и издерганные непосильной работой над редактированием III т. “Всемирной истории”, все еще далеко не в порядке..., пережитого за истекший месяц я не забуду...»²³.

Заведующая кафедрой классической филологии ЛГУ О.М. Фрейденберг²⁴ так описывала ситуацию в осеннем блокадном городе: «Налеты и обстрелы были немилосердны и нечеловечны. С утра до ночи, от вечера и до утра мирное население города подвергалось атакам смерти. Три с половиной миллиона жителей²⁵ было заперто в осажденном городе, как в ящике, и служило мишенью»; погода также внесла коррективы и усугубила страдания блокадников: «После прохладного лета сразу наступила ясная, холодная и сухая ранняя зима»²⁶. 13 октября 1941 г. С.А. Жебелёв отправил открытку В. Ф. Штейн²⁷ в Новосибирск с описанием обстоятельств своей несостоявшейся эвакуации и констатировал ухудшение блокадного быта: «Перешел из своего “кабинета” в полутемную комнату, где помещается часть моей библиотеки, ибо в этой комнате куда теплее, чем в кабинете, а я холода очень не люблю. Редактировать досаждавший мне III т. Всемирной истории окончил, но не знаю, что буду делать, т. е. чем заниматься, дальше – видно будет. У нас все время стоят холода, хотя для них еще рано»²⁸. Известно, что даже в это тяжелое время С.А. Жебелёв продолжал интенсивно работать – 20 сентября 1941 г. участвовал в обсуждении кандидатской диссертации Г.В. Григорьева в ИИМК, в ноябре оппонировал на докторском диспуте И.М. Тронского в университете, регулярно принимал участие в заседаниях секторов и ученых советов²⁹.

В октябре 1941 г. был сформирован новый состав Ленинградского отделения Президиума, куда вошли академики А.А. Байков³⁰ и С.А. Жебелёв. Сергей Александрович, с 4 ноября возглавивший комиссию по делам ленинградских учреждений, за 1,5 месяца провел 27 заседаний, из которых на 24 председательствовал³¹. По словам академика, он стремился удовлетворить «пожелания всех, стремящихся к эвакуации». 7 ноября 1941 г. директор ИИМК АН СССР (1939–1945) М.И. Артамонов

²³ Кольцов 2000, 367.

²⁴ Фрейденберг Ольга Михайловна (1890–1955), филолог-классик, фольклорист, культуролог; доктор литературоведения (1935); двоюродная сестра Б. Л. Пастернака. Профессор и заведующая кафедрой классических языков ЛИФЛИ–ЛГУ (1932–1949).

²⁵ По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. по Ленинграду в городе проживало 3191304 чел., с учетом беженцев к началу блокады население северной столицы возросло как минимум до 3,5 млн, несмотря на краткосрочную первую волну эвакуации. За 872 суток блокады погибло около 1,5 миллиона жителей города, из них от бомбежек и артобстрелов — 10%, остальные 90% населения — от голода. Число погибших от последствий дистрофии в эвакуации и по дороге из Ленинграда вглубь страны до сих пор неизвестно. Подробнее см.: Тункина 2025.

²⁶ Фрейденберг, 1987: 13.

²⁷ Штейн Вера Федоровна (1881–1971), художник, скульптор. См.: Виноградов 2018, 403–404.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 83. Оpubл.: Виноградов 2018, 402.

²⁹ Кольцов 2000, 355–356, 357.

³⁰ Байков Александр Алексеевич (1870–1946), металлург, академик АН СССР (1932).

³¹ Баженова 2015, 33.

под предлогом командировки эвакуировался, временно исполняющим обязанности директора ИИМК АН СССР с 8 ноября по 28 декабря 1941 г. являлся С.А. Жебелёв. 8 ноября 1941 г. Г.А. Князев вопрошал: «Кто же остается из академиков в Ленинграде? Байков, Жебелёв, Крачковский, Коковцов³². Вот, кажется, и все»³³.

Тиски голода в блокадном Ленинграде сжимались все сильнее, суточная норма выдачи хлеба с каждой неделей уменьшалась. С началом войны академики снабжались по нормам рабочих: со 2 сентября – 600 г, с 13 ноября – 300 г, с 20 ноября – 250 г; научные работники получали хлеб по нормам служащих: с 16 июля – 600 г хлеба, с 1 октября – 200 г, с 13 ноября – 150 г, с 20 ноября 1941 г. – 125 г. 1 декабря 1941 г. был введен усиленный паек для профессоров и докторов наук по нормам рабочих, но он выдавался нерегулярно³⁴. 11 ноября 1941 г. Г.А. Князев записал: «Сегодня сотрудники возвратились из столовой, не пообедав. Давали только теплую воду, в которой плавало только несколько макаронинок, и то только с вырезом талонов на карточках. У некоторых таких талонов уже не оказалось. [...] Голод постучался своею костлявой рукой... [...] Вчера на заседании Ленинградского отделения Президиума были только два академика – Жебелёв и Крачковский...»³⁵.

К декабрю 1941 г. уже замерзли водопроводные трубы, вышла из строя канализация, не было электричества, не ходил общественный транспорт. Ленинградцы жили в нетопленых квартирах и шли на работу в промерзшие учреждения. Несмотря на то, что везде приходилось ходить только пешком, основными адресами, которые регулярно посещал С.А. Жебелёв, являлись: Административно-хозяйственное управление и комиссия Президиума по делам ленинградских учреждений АН СССР на Университетской набережной, д. 5, где проходили различные заседания. Именно здесь 11 декабря С.А. Жебелёв выступил с докладом о своем учителе «Столетие рождения Ф.Ф. Соколова»³⁶ (текст датирован 3 декабря). Там же размещались несколько институтов, в том числе ИИМК им. Н.Я. Марра, ИЯМ им. Н.Я. Марра, ЛОИИ и ИВ занимали площади в здании Библиотеки АН СССР на Биржевой линии, д. 1. Исторический и филологический факультеты ЛГУ располагались на «линии Менделеева», д. 3/5 и на Университетской наб., д. 11. На другой стороне Невы ученый регулярно навещался в Государственный Эрмитаж (Дворцовая, тогда наб. 9 января, д. 36) и Дом ученых им. М. Горького (наб. 9 января, д. 26). С 1920 г. квартира С.А. Жебелёва находилась на 4-й линии Васильевского острова, д. 7, кв. 13. Вся жизнь оставаясь холостяком, академик содержал двух иждивенцев – младшую сестру, незамужнюю 70-летнюю пенсионерку М.А. Жебелёву³⁷, обеспечивавшую домашний уют, и их общую воспитанницу А.И. Царькову³⁸. По свидетельству О.М. Фрейденберг, в годы блокады Жебелёвы приютили

³² Коковцов Павел Константинович (1861–1942), востоковед-семитолог, гебраист, академик (1903), скончался от голода в блокадном Ленинграде 1 января 1942 г.

³³ Князев 2009, 285–286. Автор ошибается — в ЛГУ работал князь из рода Рюриковичей, физиолог, академик А.А. Ухтомский, умерший от голода в августе 1942 г. См.: Тункина 2025.

³⁴ Кольцов 1962, 43, 56.

³⁵ Князев 2009, 298.

³⁶ Тункина, Фролов 1993а, 182–194.

³⁷ Жебелёва Мария Александровна (17(30).06.1871, Санкт-Петербург – 20.02.1942, Ленинград), младшая сестра академика, педагог, умерла из-за «общей дистрофии».

³⁸ Царькова Анна Ивановна (1906–23.02.1942, Ленинград), воспитанница С.А. и М.А. Жебелёвых (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 5–6 об.; Тункина, Фролов 1993б, 192).

жильца³⁹, эрмитажного искусствоведа А.Н. Кубе⁴⁰.

Главной точкой притяжения для ученых АН СССР стала академическая столовая № 23 в Таможенном переулке, где в первые месяцы блокады можно было получить суп, не отоваривая карточки. О.М. Фрейденберг писала: «Жебелёв съедал в столовой Академии по четыре супа..., уже только супы отпускались без карточек. Люди ходили из столовой в столовую и ели супы. Но вот настигло их лихо: без карточек перестали давать и суп. Учитывалось все. Каша? Давай талон на крупу. Масло? Давай 5 граммов на талоне масла в каше. Ни на какие деньги нельзя было ничего купить. Рестораны, у дверей которых стояли очереди в целую улицу, закрывались один за другим... Как бы я ни искала спекулянта, чтоб получить мясо или рыбу, его не было... Деньги не имели... никакой стоимости. Раз на деньги нельзя было ничего купить, раз нигде не было решительно никакого товара, денег никто не хотел брать. Нельзя было купить никакой услуги, ни дров, ни керосина»⁴¹.

Здоровье С.А. Жебелёва, вынужденного кормить двух иждивенцев с пайкой 125 г хлеба в день, окончательно подкосилось. М.И. Максимова вспоминала: «Последний раз я встретила с Сергеем Александровичем в академической столовой, помещавшейся... в подвальном этаже Института зоологии. Сергей Александрович зашел туда по пути, вероятно, за соевыми лепешками для сестры, выдававшимися иногда без карточек». Ей сообщили, что «во время одного из своих обходов Сергей Александрович от истощения упал на улице и не смог уже подняться. Скорая помощь доставила его в больницу им. Свердлова, где он вскоре скончался»⁴².

Об этом событии 19–20 декабря Г.А. Князев записал: «Ослабевшего от недоедания и истощения академика С.А. Жебелёва вчера, 19-го, пришлось отвезти в больницу. Это произвело удручающее впечатление на всех нас... Акад. И.Ю. Крачковский, живущий на нашей лестнице, сам носит дрова. Семья его до сих пор не получила из-за очередей продуктов по карточкам ни за первую, ни за вторую декаду. Есть еще академик в Ленинграде – престарелый восьмидесятилетний Коковцов, создавший школу гебраистов. О нем мало кто знает. Если он умрет от голода, как и первые двое, то это будет очень тяжелая потеря и может быть использована врагом как выгодный для себя козырь [...]. Вообще в эти трудные дни Академия наук оказалась в очень печальном положении. Оставшиеся в Ленинграде научные сотрудники брошены на произвол судьбы. На днях улетела... заместительница директора Ленинградского отделения Института истории Бочкарева, более известная под прозвищем “Бочкариха”⁴³. Институт остался совершенно без руководителя. (Предполагали, что акад. Жебелёв согласится принять руководство, но он заболел.) [...] Бочкарева... член партии, как и Нахалкова (Напалкова)⁴⁴. Хорошо бы встретиться с ними и не подать им руки как дезертирам. [...] Таков Ленинград

³⁹ Фрейденберг 1987, 22.

⁴⁰ Кубе Альфред Николаевич (1886–1942), искусствовед, специалист по декоративно-прикладному искусству эпохи итальянского Возрождения, с 1939 г. заведующий отделом истории западноевропейского искусства ГЭ.

⁴¹ Фрейденберг 1987, 14.

⁴² Максимова 1969, 90.

⁴³ Бочкарёва Екатерина Ивановна (1899–?), историк, кандидат исторических наук. Выпускница Института красной профессуры (1931), секретарь парторганизации (1939–1941), заместитель заведующего ЛОИИ (1938–1946).

⁴⁴ Напалкова Клавдия Степановна (1901–?), общественник, парторботник, с 1939 г. помощник начальника отдела кадров по ленинградским учреждениям АН СССР.

в декабре 1941 года. Почти символ. Встретилась мне вчера утром похоронная процессия. Двое везут на санях закрытый в пальто с головой труп умершего (значит, и гроба не достали!), за покойником трое провожатых. Падал снег... Вероятно, привезут труп на кладбище и оставят его непогребенным, т. к. рыть промерзшую и твердую как железо землю некому... Неспokoйно, нехорошо сегодня стало мне после известия об отправке в больницу Жебелёва и всего виденного и услышанного за последнее время...»⁴⁵. Уменьшение хлебной пайки и невозможность отстоять многочасовые огромные очереди, чтобы отovarить карточки, стало причиной гибели десятков тысяч ленинградцев: только за декабрь 1941 г. в Ленинграде по официальным данным скончались 52 612 чел.⁴⁶

Востоковед А.Н. Болдырев 21 декабря записал: «На улице сделалось плохо акад. С.А. Жебелёву... Странно, ведь академиков, кажется, подпитывают»; 20 декабря: «Жебелёв поправляется»⁴⁷. Но надежды коллег на лучшее оказались тщетны. 29 декабря 1941 г. Г.А. Князев, недолюбливавший ученого со студенческих лет, зафиксировал в дневнике: «В субботу, 27-го, умер в больнице академик С.А. Жебелёв. Знал я его с 1907 года, т. е. 34 года. В университете мы не любили его за крикливость, ругательства. Он был секретарем факультета⁴⁸ и со студентами не стеснялся [...]. Иногда он просто гонял от себя студентов из деканской. Его и не боялись, и не любили. Говорил он, тоже переходя на крик, гортанным голосом. При мне он читал греческих авторов и историю Греции. Был требователен. Я с интересом начал слушать его чтение и комментирование “Пира” Платона. Делал он это очень быстро, скороговоркой, но с исключительным знанием предмета. Мне было не поспеть за ним. Чтобы успеть в греческом, я записался в просеминарий к доценту И.И. Толстому⁴⁹, спокойному и очень вежливому со студентами... У него я и держал экзамен по греческому языку, а автора Лукиана у доцента Придика⁵⁰. К Жебелёву я так и не решился пойти. На государственном экзамене я встретился с Жебелёвым, сдавая ему историю Греции. Я был хорошо подготовлен и очень толково изложил заданный мне вопрос о распадении империи Александра Македонского. Здесь я впервые узнал настоящего Жебелёва. Он был спокоен и тих, в глазах был глубокий ум и совершенно неожиданно – добродушие»⁵¹.

Г.А. Князев вновь встретился с антиковедом в 1929 г., когда его назначили заведовать Архивом АН СССР. «Я увидел его маленькую фигуру среди академиков, немного суетливую, но без крикливости. Наоборот, он был сдержан, подобран». К концу 1930-х гг. «положение его очень окрепло в Академии: старое было предано забвению, стали ценить только его научные заслуги. Он вел большую работу в ЛОИИ и других институтах. Научный его авторитет и ценность его научных работ особенно вы-

⁴⁵ Князев 2009, 355–356.

⁴⁶ Кантор 2019, 40.

⁴⁷ Болдырев 1998, 34, 35.

⁴⁸ Секретарем историко-филологического факультета Петербургского университета С.А. Жебелёв был с 1905 по 1909 гг.: Тункина 2024, 324.

⁴⁹ Толстой Иван Иванович-младший (1880–1954), филолог-классик, историк, эпиграфист, академик АН СССР (1946), ученик С.А. Жебелёва, приват-доцент (1908–1918), профессор (1918–1953) Петроградского университета–ЛГУ.

⁵⁰ Придик Евгений Мартынович (1865–1935), филолог-классик, эпиграфист, нумизмат; приват-доцент (1899–1920) Петербургского университета. В публикации блокадного дневника Г.А. Князева фамилия воспроизведена неверно – «Придан»: Князев 2009, 368.

⁵¹ Князев 2009, 367–368.

явились на чествовании его в ноябре прошлого года в ЛОИИ [...] Началась война. С.А. держался стойко. В беседах со мной... он говорил..., что он никуда не поедет из Ленинграда. Рассказывал любопытный эпизод, вычитанный им в английском журнале, как какая-то девушка-студентка спокойно читала в своей комнате во время бомбардировки Лондона... книжку А.А. Васильева «История Византии»⁵². Об этом он тотчас написал автору в Америку: «Ты прославился на весь мир и можешь теперь спокойно умереть». Ходил он по набережной, с 4-й линии до Академии или в Эрмитаж, своей бодрой походкой. [...] В последнее время, когда все почти академики улетели, он был привлечен в Комиссию ленинградских учреждений (самозванный Президиум Академии наук в Ленинграде) и председательствовал там, когда не было академика Байкова. В последний раз я видел его месяца полтора назад. Он был еще бодр, но на вопросы по делам Академии не любил отвечать. Вдруг я в нем неожиданно увидел опять того Жебелёва, которого встречал в деканской университета. Но как только начинался ни к чему не обязывающий разговор, глаза его добрели и голос смягчался. Потом рассказывали, что он начал ослабевать, стоял в очереди, дожидаясь стула или тарелки в столовой, заискивая еще говорил с заведующим столовой... Итак похожий на живого мертвеца, он стал страшен: у него обнажился оскал зубов, натянулась кожа на лице. В конце позапрошлой недели его пришлось свезти в больницу. В понедельник мне передали от Крачковских, что ему лучше, но в субботу он скончался, не пережив декабря 1941 года в Ленинграде»⁵³. Документы зафиксировали, что заведующий сектором классических языков и заместитель директора ИЯМ им. Н.Я. Марра С.А. Жебелёв «22 декабря 1941 г. ... во время следования в институт упал в Таможенном переулке и был вскоре доставлен в больницу, где 28 декабря 1941 г. и скончался. Причина смерти – дистрофия». Очевидцами названы сотрудники института Е.К. Большакова и П.К. Абабков⁵⁴.

Так закончилась жизнь русского ученого старой школы, «вечного труженика и горячего патриота». Даже в блокаду С.А. Жебелёв работал и в науке, и как ее организатор «с полной отдачей, не щадя себя, не пользуясь ни одной привилегией», и «фактически пожертвовал своей жизнью ради сохранения в Ленинграде академической науки»⁵⁵. Ученый «погиб на своем боевом посту, до конца сохранив верность своим убеждениям и высокому долгу», – писала о С.А. Жебелёве его коллега и старинный друг М.И. Максимова. По ее словам, за два-три дня до смерти последними словами ученого были: «Нет, в Ленинград мы Гитлера не пустим»⁵⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В личном деле академика С.А. Жебелёва официальное свидетельство о смерти отсутствует, есть только запись карандашом неизвестного лица с указанием

⁵² Васильев (Vasiliev) Александр Александрович (1867–1953) — историк-византинист, основатель американской школы византиноведения; член-корреспондент РАН (1923); эмигрировал в США (1925), профессор кафедры древней истории Висконсинского университета в Мэдисоне (1925–1939). См. о нем: Тункина 2022.

⁵³ Князев 2009, 368,370, 371.

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а-1946. Д. 6. Л. 53.

⁵⁵ Баженова 2015, 34.

⁵⁶ Максимова 1969, 90.

даты смерти 28.12.1941⁵⁷. Ослабевший от истощения академик 19 декабря (по другим данным, 22 декабря) упал или на Университетской наб., или в Таможенном переулке, был подобран прохожими и отправлен в Смольнинскую больницу, где и скончался. В документах академических институтов, где работал С.А. Жебелёв, и в личных фондах ученых сведения о дате его смерти противоречивы – 26 декабря⁵⁸, 27 декабря⁵⁹, 28 декабря⁶⁰ 1941 г. СПбФ АРАН получил официальный ответ Комитета по делам записи актов гражданского состояния Правительства Санкт-Петербурга (№ 025-97800000-И25863 от 19.09.2025 г.), который подтвердил официально признанную дату смерти – 28 декабря 1941 г. 2 января 1942 г. Административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений выдало доверенность старшему научному сотруднику ЛОИИ АН СССР А.И. Болтуновой⁶¹ «в том, что ей поручается регистрация смерти и оформление всех похоронных документов на умершего действительного члена Академии наук СССР, заслуженного деятеля науки, председателя Президиума Ленинградских учреждений АН СССР Сергея Александровича Жебелёва»⁶². Для организации похорон была организована комиссия (И.Ю. Крачковский, М.Е. Федосеев, А.И. Болтунова, Д.П. Каллистов), затраты по похоронам АН СССР взяла на себя, но из-за тяжелейшего положения с погребениями тысяч умерших точное место захоронения затерялось. Только в 1944 г., в ходе поиска погребений скончавшихся в годы блокады академиков, могилу не без труда при помощи местного сторожа смог найти Г.А. Князев. В ноябре 1946 г. в Президиум АН СССР обратились И.Ю. Крачковский, Н.С. Державин, И.И. Мещанинов с просьбой установить памятник С.А. Жебелёву в приблизительном месте погребения. Президент АН СССР С.И. Вавилов распорядился выделить на эти цели до 3 тыс. руб.⁶³ В 1947 г. надгробие в виде гранитного саркофага по проекту архитектора Р.И. Каплан-Ингеля было установлено на участке академиков Литераторских мостков Волковского православного кладбища⁶⁴.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Bazhenova, N.M. 2013: Komissiya po delam leningradskikh akademicheskikh uchrezdeniy (konets avgusta 1941 g. – 10 aprelya 1942 g.) [The Commission on the Affairs of Leningrad Institutions of the USSR Academy of Sciences (late August 1941 – April 10, 1942)]. In.: Yu. M. Baturin (ed.). *Komissii Akademii nauk v XVIII-XX vekakh: Istoricheskie ocherki* [Commissions of the Academy of Sciences in the 18th-20th centuries: Historical Essays]. St. Petersburg, 530–570.

⁵⁷ СПбФ АРАН. Ф.2. Оп. 17. Д. 201. Л. 1г.

⁵⁸ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 7. Л. 15 (и.о. директора ИЯМ акад. С.А. Жебелёв умер 26.12.1942); Ф. 929. Оп. 5. Д. 38. Л. 21 (свидетели смерти С.А. Жебелёва 26 декабря сотрудники ИИМК С.Н. Бибиков, С.Н. Замятин, М.А. Тиханова, причина смерти — истощение).

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 174. Л. 6; Князев 2009, 355, 367.

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1а-1946. Д. 6. Л. 53.

⁶¹ Болтунова (с 1923 г. Амиранашвили) Анна Ивановна (1900–1991), археолог, эпиграфист, кандидат исторических наук (1937), докторант ЛОИИ АН СССР; ученица С. А. Жебелёва.

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 64. Л. 69.

⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 141. Л. 18.

⁶⁴ Ленинградские лингвисты 2025, 270–271; Некрополь 2008, 20, 60 № 153 лист 3/Ф-2.

- Баженова, Н.М. 2013: Комиссия по делам ленинградских академических учреждений (конец августа 1941 г. — 10 апреля 1942 г.). В кн.: Ю.М. Батулин (отв. ред.), *Комиссии Академии наук в XVIII-XX веках: Исторические очерки*. СПб., 530–570.
- Bazhenova, N.M. 2015: Uchenye – geroi leningradskoy blokady: predsedatel' Komissii Prezidiuma AN SSSR po delam leningrdsdskikh uchrezdeniy akademik Sergey Aleksandrovich Zhebelyev [Scientists – Heroes of Leningrad Blockade: Chairman of the Presidium of the USSR Academy of Sciences Commission on Leningrad Institutions, Academician Sergey Alexandrovich Zhebelyev]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh [Eurasian Union of Scholars]* 7 (16), 32–34.
- Баженова, Н. М. 2015: Ученые – герои Ленинградской блокады: председатель Комиссии Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений академик Сергей Александрович Жебелёв. *Евразийский союз ученых* 7 (16), 32–34.
- Boldyrev, A.N. 1998: *Osadnaya zapis' (Blokadnyy dnevnik) [Siege Record (Blockade Diary)]*. St. Petersburg.
- Болдырев, А.Н. 1998: *Осадная запись (Блокадный дневник)*. СПб.
- Freydenberg, O.M. 1987: *Osada cheloveka [The Siege of Man]*, Published by K. Nevelsky [Yu.M. Kagan]. In: *Minuvshee: Istoricheskiy almanakh [The Past: A Historical Almanac]*. Paris, 7–44.
- Фрейденберг, О.М. 1987: *Осада человека / Публ. К. Невельского [Ю.М. Каган]*. В сб.: *Минувшее: Исторический альманах*. Париж, 7–44.
- Frolov, E.D. 2006: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki [Russian Scholarship on Antiquity. Historiographical Essays]*. 2nd ed. St. Petersburg.
- Фролов, Э.Д. 2006. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. 2-е изд. СПб.
- Kantor, Yu.Z. 2019: *Evakuatsiya iz Leningrada do i vo vremya blokady [Evacuation from Leningrad before and during the Siege]*. In: Yu.Z. Kantor (ed.), *Pobratimy [Sworn Brothers]*. Moscow, 9–54.
- Кантор, Ю.З. 2019: *Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады*. В сб.: Ю.З. Кантор (отв. ред.), *Побратимы*. М., 9–54.
- Karyuk, S.G., Kulishova, O.V. 2018: Akademik S.A. Zhebelyev, poslednie gody: stenogramma zasedaniya akademicheskikh institutov v Tashkente 31 yanvarya 1942 g. [Last Years of S.A. Zhebelyev, Member of the Academy: Shorthand Record of the Academic Meeting in Tashkent, January, 31, 1942]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/1, 88–112.
- Карпюк, С.Г., Кулишова, О.В. 2018: Академик С.А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. *ВДИ* 78/1, 88–112.
- Knyazev, G.A. 2009: *Dni velikikh ispytaniy. Dnevniky 1941–1945 [Days of Great Trials. Diaries 1941–1945]*. St. Petersburg.
- Князев, Г.А. 2009: *Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945*. СПб.
- Koltsov, A.V. 1962: *Uchenye Leningrada v gody blokady (1941–1943 gg.) [Leningrad Scientists during the Siege (1941–1943)]*. Moscow–Leningrad.
- Кольцов, А.В. 1962: *Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943 гг.)*. М.–Л.
- Koltsov, A.V. 1997: *Leningradskie uchrezhdeniya Akademii nauk SSSR v 1934–1945 gg. [Leningrad Institutions of the USSR Academy of Sciences in 1934–1945]*. St. Petersburg.
- Кольцов, А.В. 1997: *Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг.* СПб.
- Koltsov, A.V. 2000: «Perezhitogo za istekshiy mesyats ya ne zabudu» (Zapiska akademika S.A. Zhebelyeva o nesostoyavsheysya «evakuatsii» iz Leningrada) [“I will not forget what I have lived through in the past month” (Academician S.A. Zhebelyev’s Note on the Unsuccessful “Evacuation” from Leningrad)]. In: I.P. Medvedev (ed.), *Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov [Figures of Russian Science of the 19th–20th Centuries]*, 2. St. Petersburg, 349–370.

- Кольцов, А.В. 2000: «Пережитого за истекший месяц я не забуду» (Записка академика С.А. Жебелёва о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда). В сб.: И.П. Медведев (отв. ред.), *Деятели русской науки XIX–XX веков*. Вып. 2. СПб., 349–370.
- Leningradskie lingvisty, 2025 – Kazanskiy, N.N. (ed.), *Leningradskie lingvisty v gody voyny* [*Leningrad Linguists during the War Years*]. St. Petersburg, 2025.
- Ленинградские лингвисты 2025 – Казанский, Н.Н. (отв. ред.), *Ленинградские лингвисты в годы войны*. СПб., 2025.
- Maksimova M.I., 1969: Iz vospominanii o S.A. Zhebelyeve [From the Memoirs of S.A. Zhebelyev]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 3, 86–90.
- Максимова, М.И., 1969: Из воспоминаний о С.А. Жебелёве. *СА* 3, 86–90.
- Nekropol' 2008 – *Nekropol' «Literatorskie mostki»: Plan-putevoditel'* [“*Literators' Bridges' Necropolis: A Plan-Guide*”]. St. Petersburg, 2008.
- Некрополь 2008 – *Некрополь «Литераторские мостки»: План-путеводитель*. СПб., 2008.
- Tunkina, I.V. 2008: G.A. Knyazev kak direktor Arkhiva AN SSSR (1929–1963) [G.A. Knyazev as Director of the Archive of the USSR Academy of Sciences (1929–1963)]. In: I.V. Tunkina (ed.), *Akademicheskii arkhiv v proshlom i nastoyashchem* [*The Academic Archive in the Past and Present*]. St. Petersburg, 19–32.
- Тункина, И.В. 2008: Г.А. Князев как директор Архива АН СССР (1929–1963). В сб.: И.В. Тункина (отв. ред.), *Академический архив в прошлом и настоящем*. СПб., 19–32.
- Tunkina, I.V. 2022: Aleksandr Aleksandrovich Vasiliev (1867–1953) [Alexander Aleksandrovich Vasiliev (1867–1953)]. In: V.A. Goroncharovskiy (ed.-comp.), *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznennuyu put' i vklad v nauku* [*Founding Fathers of the Russian Academy of the History of Material Culture: Their Life Paths and Contributions to Science*]. St. Petersburg, 16–32.
- Тункина, И.В. 2022: Александр Александрович Васильев (1867–1953). В кн.: В.А. Горончаровский (ред.-сост.), *Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку*. СПб., 16–32.
- Tunkina, I.V. 2024: Zhebelyev Sergey Aleksandrovich [Zhebelyev Sergey Alexandrovich]. In: E.Yu. Basargina, I.V. Tunkina (ed.-comp.), *Uchenye – fondoobrazovateli Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva Rossiyskoy Akademii nauk: Kratkiy biograficheskiy spravochnik. A–I* [*Scientists – Contributors to the Foundation of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: A Concise Biographical Directory. A–I*]. St. Petersburg, 324–327.
- Тункина, И.В. 2024: Жебелёв Сергей Александрович. В кн.: Е.Ю. Басаргина, И.В. Тункина (ред., сост.), *Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник. А–И*. СПб., 324–327.
- Tunkina, I.V. 2025: Tragediya leningradskoy nauki v gody blokady (1941–1944) [The Tragedy of Leningrad Science during the Siege (1941–1944)]. In: I.V. Tunkina (ed.), *Uchenye v blokade*. 1. «*Leningradskie uchenye v gody blokady*». *Faksimil'noe izdanie korrekturny 1946* [*Scientists in a Siege*. 1. “*Leningrad Scientists during the Blockade*”. *Facsimile Edition of the 1946 Proofs*]. St. Petersburg (forthcoming).
- Тункина, И.В. 2025: Трагедия ленинградской науки в годы блокады (1941–1944). В кн.: И.В. Тункина (отв. ред.), *Ученые в блокаде*. Т. 1: «*Ленинградские ученые в годы блокады*». *Факсимильное издание корректуры 1946 г.* СПб. (в печати).
- Tunkina, I.V., Frolov, E.D. 1993a: Istoriograficheskie etyudy S.A. Zhebelyeva [Historiographical Articles of S.A. Zhebelyev]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 182–194; 2, 172–201.
- Тункина, И.В., Фролов, Э.Д. 1993а: Историкографические этюды С.А. Жебелева. *ВДИ* 1, 182–194., Frolov, E.D. 1993b: Istoriograficheskie etyudy S.A. Zhebelyeva [Historiographical Articles of S.A. Zhebelyev]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 182–194.

Тункина, И.В., Фролов, Э.Д. 1993б: Историографические этюды С.А. Жебелева. *ВДИ* 2, 172–201.

Vinogradov, Yu.A. 2018: Poslednee pis'mo akademika S.A. Zhebelyeva [The Last Letter of Academician S.A. Zhebelev]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 24, 401–404.

Виноградов, Ю.А. 2018: Последнее письмо академика С.А. Жебелёва. *АВ* 24, 401–404.

ACADEMICIAN S.A. ZHEBELYEV IN THE BLOCKADE MEMOIRS OF SCHOLARS

Irina V. Tunkina

*Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia*

E-mail: tunkina@yandex.ru

The almost 900-day blockade of Leningrad clearly demonstrated that the most crucial factor in the development of science and the preservation of the country's cultural heritage is the individual scientist, the human potential of science. The classic of domestic antiquity studies, Academician Sergey Aleksandrovich Zhebelev (1867–1941), died in the first winter of the blockade from dystrophy. Memoirs of S.A. Zhebelev's final months of life have been preserved in the personal papers of scientists who managed to survive the blockade years and leave behind testimonies of their experiences.

Key words: Siege of Leningrad, USSR Academy of Sciences, scientific work, Sergey A. Zhebelev, blockade life, memoirs, documents

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 25-18-00293
